

—

Пятнадцатого числа с самого утра Байлянь встал сам, не дожидаясь, пока его разбудит Саньлэн. Дело было не только в том, что сегодня у него был выходной; за те полмесяца, что он провел в поместье, ранний подъем каждый день уже стал привычкой. Стоит признать, что в раннем подъеме летом нет иных благ, кроме того, что в утренние часы действительно прохладно.

Байлянь переоделся в одежду цвета морской волны и нашел небольшую сумку, которую перекинул через плечо, чтобы было куда складывать покупки.

В этот день Саньлэн тоже был очень весел: хотя у него самого выходного не было, возможность выйти вместе с Байлянем приравнивалась для него к отдыху. Несмотря на то, что он с малых лет учился правилам и работал в поместье, будучи куда степеннее сверстников, в душе он оставался двенадцати-тринадцатилетним гермом, которому всё еще хотелось погулять и повеселиться.

Хозяин и слуга не стали завтракать в поместье; собравшись как следует, они вышли за ворота.

Когда Байлянь прибыл в поместье, он ехал в карете, и теперь впервые выходил пешком. Хотя сразу за районом Лиюань начиналась процветающая улица Чжуцяо, только на то, чтобы обогнуть озеро и выйти к воротам, требовалось время, равное горению одной палочки благовоний*. Но стоило покинуть пределы района Лиюань, как человек тут же погружался в шум и суету.

[*В древнем Китае время сгорания одной палочки благовоний (香, сян) традиционно составляло около 30–40 минут, что использовалось как мера для коротких промежутков, медитаций или для измерения времени, например, в медицине. В художественной или литературной традиции это выражение часто означало относительно небольшой, но ощутимый отрезок времени.]

Байлянь думал, что из-за раннего часа на улицах будет безлюдно, но не тут-то было: на улице Чжуцяо лавки стояли плотными рядами, и все они уже открылись для торговли. Уличные торговцы вовсю зазывали покупателей, а прохожие сновали туда-сюда, словно караси в реке.

— В такой час здесь уже так шумно!

Саньлэн улыбнулся:

— Улица Чжуцяо всегда оживлена. В последние два года отменили комендантский час, так что здесь весело с утра и до самой ночи.

Раньше Байлянь бывал только в северной части города, потому что там располагалось много аптечных лавок, и торговля травами велась именно там. Путь от деревни до города занимал немало времени, дорога туда и обратно съедала полдня, поэтому каждый раз он в спешке закупал всё необходимое, решал дела и тут же возвращался.

Он давно слышал о великолепии улицы Чжуцяо, но никогда не доходил сюда: то время было неподходящим, то пугали слухи о том, что здесь собираются богачи и знать, цены заоблачные, и что бедные люди не могут себе позволить здесь ничего купить.

Слухи оказались правдой. Он и Саньлэн шли в потоке людей; улица Чжуцзяо была широкой, взору открывались изящные винные лавки и рестораны, ювелирные и шелковые ряды. Дома развлечений, где всю ночь пели и плясали, сейчас ненадолго затихли, и слуги занимались уборкой.

Повсюду были роскошные повозки, молодые повесы, ищущие удовольствий, барышни, кокетливо покачивающие веерами, прогуливающиеся рука об руку молодые господа... У Байляня глаза разбегались.

— Господин, пойдете сразу к храму Наньмэнь (Храм Южных ворот), там места много, кругом лавки торговцев, есть всякие диковинки, а уж еды сколько – и цены вполне доступные.

Байлянь закивал:

— Хорошо, хорошо!

Они пересекли улицу Чжуцзяо и, дойдя до конца, увидели, как пространство снова расширилось. Как и говорил Саньлэн, площадь у храма Наньмэнь была огромной и сплошь заставленной лотками. Весной и осенью, в прохладу, товар раскладывали прямо на земле, но сейчас, в летний зной, торговцы установили зонты от солнца – один к одному, создавая в этом беспорядке некое подобие порядка.

Впрочем, Байляню было не до созерцания видов площади, его уже всю манили ароматы еды.

У одного лотка продавали хрустящие жареные «морские ушки и улитки» (выпечка), у другого – «баранью голову в соусе», куриную кожу в кунжуте, бараньи хребты... Порция курятины, утятин, гусятины или крольчатин стоила всего пятнадцать вэней, а зажаренный до хрустящей корочки с перцем перепел – всего два-три вэня.

Они отведали понемногу в каждой лавке. Байлянь, держа в руке баранье ребрышко, воскликнул:

— Вкусно! Как может быть столько всего вкусного!

Они ели и пили больше часа, и когда животы стали круглыми, перешли от съестных рядов к лавкам с товарами для быта. Игрушки, картины на шелке, складные веера – ассортимент был невероятным. Помимо привычных вещей, здесь продавали редкие благовония, антиквариат и даже маленьких кроликов, певчих птиц и экзотических животных.

Байлянь раскрыл бамбуковый веер, прикрыл половину лица и сказал Саньлэну, который рассматривал мешочки с благовониями:

— Посмотри, я похож на то, как Нин Муянь обмахивается веером?

Саньлэн, видя его напускную серьезность, прыснул со смеху:

— Молодой господин не пользуется складными веерами.

Байлянь сложил веер и полюбопытствовал:

— Почему?

— Наверное, считает, что обмахиваться веером пристало лишь праздным повесам.

Байлянь поджал губы и положил веер на место. Заметив неподалеку животных, он подскочил погладить белую пушистую собачку и подразнить котенка. Они не знали усталости, желая заглянуть в каждую палатку.

Площадь у храма Наньмэнь действительно была чудесным местом. Если не было дождя, здесь ежедневно было полно народа, и товары не были одинаковыми – еда, безделушки, одежда и украшения обновлялись каждые несколько дней, так что даже живущим поблизости людям не надоедало приходить сюда каждый день.

— С тех пор как ты женился, тебя редко увидишь на людях. Как сегодня нашлось время пригласить меня на беседу?

В изящном чайном павильоне на набережной у храма Наньмэнь двое молодых людей пили чистый чай.

— В доме много дел, к тому же нужно готовиться к экзаменам хуэйши*, действительно трудно вырваться.

[*Хуэйши (會試, «столичный экзамен») — экзамен третьего, высшего уровня (после уездного и провинциального), который проходили кандидаты, получившие степень цзюйжэнь. Успешная сдача хуэйши приносила звание гунши и давала право участвовать в решающем дворцовом экзамене в присутствии императора — «тяньши» (殿試), по результатам которого присваивали звание цзиньши и который определял распределение мест.]

Нин Муянь слегка усмехнулся:

— Дел много, или же в объятиях «теплого нефрита» так сладко, что не хочется уходить?

— Ты тоже научился подшучивать, — со смехом вздохнул Ци Чжуо.

Нин Муянь поставил чашку:

— Твой брак был заключен между равными семьями, к тому же ты давно об этом мечтал. Теперь, когда желание исполнилось, почему ты выглядишь таким поникшим?

— Мы с Вэйянь женаты всего год, и в супружестве у нас полная гармония, — Ци Чжуо замолчал на мгновение. — Просто мать, думая о продолжении рода семьи Ци, постоянно торопит нас с ребенком.

Нин Муянь отозвался:

— Ты единственный сын, беспокойство родителей о продолжении семейной линии вполне объяснимо, иначе они не устроили бы твою свадьбу еще до провинциальных экзаменов. Однако дети – это вопрос судьбы, разве можно их получить лишь поторопив?

— Мы с Вэйянь думаем так же. Мы еще молоды, спешить ни к чему. Я пытался говорить с матерью, на словах она согласилась оставить решение за нами, но втайне сильно давит на Вэйянь. А на днях и вовсе распорядилась ввести в дом двух наложниц из хороших семей.

Сказав это, Ци Чжуо почувствовал горечь во рту и, покачав головой, одним глотком осушил чарку вина.

— Я пошел к матери, а она говорит, что это Вэйянь всё устроила. Как мне не знать, кто на

самом деле заставил её это сделать! Если бы мать сделала это сама, было бы легче, но заставляя Вэйянь заниматься этим – это же сыпать соль на рану!

— Испокон веков считается, что хозяйка дома должна быть великодушной и сама устраивать мужу наложниц. Если она откажется, это даст повод для пересудов. Она оказалась в ловушке обстоятельств. Раз уж люди вошли в дом, оставь их пока, не обращай внимания, чтобы успокоить мать. А позже найдешь повод и отошлешь их.

Ци Чжуо немного приободрился:

— Только ты можешь сказать мне такое. Конечно, я не собираюсь заниматься этими новыми женщинами, отослать их – лишь вопрос времени. Боюсь только, если я их отвергну, мать снова примется винить Вэйянь. Единственный выход сейчас – уступить желанию матери и поскорее завести ребенка, тогда всё уладится.

— Порой я думаю: будь я простым крестьянином, а не сыном знатного дома, возможно, у меня не было бы этих печалей.

Нин Муянь возразил:

— Простые крестьяне изнурены трудом ради куска хлеба и тем более не властны защитить тех, кто им дорог.

Ци Чжуо горько улыбнулся:

— Всё-таки тебе, Муянь, лучше: ты не связан узами брака и не знаешь этих забот.

Нин Муянь посмотрел в окно на шумный рынок, и его брови дрогнули:

— Мне еще хуже, чем тебе.

Кто-то уже обрел свою красавицу, а кто-то еще бредет по долгой дороге.

Ци Чжуо, не поняв смысла, улыбнулся:

— Ты просто утешаешь меня.

— Будет время – своди Вэйянь погулять, чтобы она развеялась. В следующем месяце будет храмовая ярмарка, сходите.

Ци Чжуо удивленно посмотрел на Нин Муяня:

— Ты же никогда не верил во все эти разговоры о духах и божествах. С каких пор ты стал следить за временем храмовых ярмарок?

Нин Муянь слегка нахмурился:

— Разве?

Ци Чжуо посмотрел на Нин Муяня с недоумением и покачал головой.

— На сегодня прощаюсь, в другой раз побеседуем у меня в поместье.

Бросив эти слова, Нин Муянь поднялся. Ци Чжуо подумал, что они едва успели поговорить,

почему он уже уходит? Но зная занятость Нин Муяня, удерживать не стал:

— Хорошо.

— Здесь даже продают много лекарственных трав, похоже, только что из леса, — Байлянь присел у лотка, перебирая растения. В той области, где он был мастером, интерес просыпался мгновенно.

— У молодого человека глаз наметан! Травы свежайшие, поглядите - земля на корнях еще не просохла, — торговец всю расхваливал товар.

Байлянь подумал, что площадь у храма Наньмэнь - воистину чудесное место, где каждый может найти то, что ищет.

— Не нужно, дома такие травы есть.

— Есть, значит... — пробормотал торговец, но не сдался. Он тут же, словно фокусник, выставил горшок: — Вижу, молодой человек - знаток. Раз травы есть, поглядите на эту ступку для растирания лекарств. Мраморная, узор красивый, прочная и прослужит долго!

При виде ступки у Байляня загорелись глаза. Он взял её в руки - тяжелая, мрамор на ощупь прохладный, работа отличная. Он не хотел выпускать её из рук.

— Господин, разве в нашем дворе такой нет? Пусть материал другой, но функция та же, — вставил Саньлэн.

Байлянь ответил:

— Мой отец пользуется деревянной ступкой уже пару лет, она рассохлась от времени и стала неудобной, но он всё не решается сменить её. А эта - отличная, хочу отвезти её отцу.

Саньлэн улыбнулся:

— Господин, вы такой почтительный сын!

— Сколько она стоит?

— Молодому человеку как знатоку называть завышенную цену не буду. За три цянй* серебра забирайте.

[*1 цянь (斤, qíán) равен 1/10 ляна, что эквивалентно 100 медным монетам.]

— Три цянй серебра?!

Байлянь похлопал по карманам. Мало того что он уже потратил немало на еду и питье, так у него изначально не было таких денег. Триста вэней!

— Можно ли подешевле?

Торговец похлопал по ступке:

— Цену не завышал! Мрамор, сами понимаете, вещь дорогая. В подарок дам два корешка дягиля.

Саньлэн, видя, что Байляню вещь очень нравится, потянул его за рукав и прошептал:

— Господин, сколько вам не хватает? Может, я добавлю? У меня есть несколько десятков вэней.

Байлянь сухо усмехнулся:

— Всё равно не хватит.

Саньлэн почесал затылок. Он хотел помочь, но его жалование было невелико, к тому же основную часть хранил его маленький папа - на приданое. Поэтому он и сам жил экономно.

— Судьба свела нас, но хочет жестоко разлучить, — Байлянь вздохнул, прижав руку к груди. — Ничего страшного, может быть, в следующий раз...

Не успел он договорить, как над головой раздался голос:

— Заверните.

—

<http://bllate.org/book/15039/1356177>